

Для подкрепления приведенного выше утверждения о наследуемости модификаций В. И. Назаров пишет: «Речь идет... о селективных процессах в геноме (в том числе избыточной ДНК), создающих видимость наследования по Ламарку» (с. 250). Он явно имеет в виду развиваемую сейчас некоторыми молекулярными биологами концепцию молекулярного драйва, важной составной частью которого является представление об избыточной («эгоистичной») ДНК. Я хорошо знаком с этими работами и с полной ответственностью могу сказать, что ни малейшего намека на наследование модификаций в них нет и в помине.

Завершает свое наступление на синтетическую теорию эволюции В. И. Назаров заявлением, что «в курсе новой эволюционной теории рядом с именем Дарвина будут стоять имена Кювье, Ламарка, Де Фриза и Гольдшмидта».

Абсурдность этого сопоставления становится очевидной, если вспомнить, что главные положения дарвинизма вошли составной частью в современную синтетическую теорию эволюции; взгляды же Кювье, Ламарка, Де Фриза и Гольдшмидта давно опровергнуты наукой и сейчас представляют только историческую ценность. В самом деле, Кювье говорил, что виды постоянны и неизменны, а смена фаун в геологической истории Земли объясняется тем, что время от времени происходили катастрофы, уничтожающие все живое, а потом на место погибших видов приходили новые виды «из других мест». Ламарк считал, что виды изменяются и это определяется общей тенденцией организмов к совершенствованию («градацией»), движущей силой которой является изначальное, заложенное Творцом стремление природы к прогрессу. Де Фриз утверждал, что новые виды в совсем готовой форме возникают скачками в потомстве отдельных особей, причем периоды мутаций сменяются длительными, в 4000 лет, периодами существования вида без изменений. Гольдшмидт полагал, что новые типы организации появляются в результате редких «системных» мутаций, дающих «многообещающих уродов», что приводит к гораздо более резким изменениям, чем могут дать микроэволюционные процессы.

Напрасно В. И. Назаров так легкомысленно равняет значение работ этих ученых для теории эволюции с ролью учения Дарвина, коренным образом ее преобразовавшего.

С. Гершензон

В. И. ЛЫСЕНКО. ГУСЕОБРАЗНЫЕ.

ФАУНА УКРАИНЫ.— Т. 5. ПТИЦЫ. ВЫП. 3.

Киев: Наук. думка, 1991.— 208 с.

На территории Украины, лишь в Причерноморье и в Приазовье, ежегодно сосредотачивается почти 1 млн. особей гусеобразных птиц. Здесь же на зимовку собираются птицы из Западной Сибири, Европейского Севера, Северного Казахстана и др. В сравнении с Сибирью или Средней Азией масштабы урбанизации и плотность населения на Украине выше, с чем связана необходимость решать сложные проблемы рационального использования дичи. Понятно, что серьезный фаунистический анализ, проведенный В. И. Лысенко, является фундаментом любых изысканий на эту тему, а они стареют очень медленно или не стареют вообще. Этот комплекс проблем обойден вниманием автора монографии, поэтому работа содержит множество отступлений, отличающих ее от сводок так называемого классического, традиционного стиля. В частности, ареалы видов проанализированы столь широко, а особенности их биологии описаны в каждом из видовых очерков столь подробно, что создается впечатление, будто на эту тему в библиотеках совершенно не осталось литературы. Однако в завершающей части тома нет никаких соображений о реальном составе авифауны гусеобразных, тем более, что автор уже взял на себя смелость ревизии структуры отдельных таксонов и их эволюционного развития. Непонятно также, какую долю в населении гидрофильных птиц Украины вообще составляют гусеобразные.

Увлечение всеобщностью привело к тому, что при чтении книги возникает ощущение отсутствия темы Украины. В очерках нет информации о статусе и характере

пребывания вида, текст зажат в тиски «железной» схемы, превращающей видовой обзор, например, о черной казарке (редкой для Украины птице!), в очерк для совершенно другой фаунистической сводки типа «Птицы СНГ». Сверхподробная компилятивная информация иногда просто затопляет все, связанное непосредственно с утками и гусями Украины: миграции, морфология, биотопическое распределение. При эрудиции автора такое обилие деталей привело (по моему мнению) к приуменьшению деталей регионального значения. Почти везде ощущается недостаток материалов по миграциям пластинчатоклювых Украины, что вынуждает автора делать не всегда обоснованные выводы (пеганка, белый гусь). Остается надеяться, что в последующие годы пробелы в изучении путей миграции отдельных популяций будут заполнены за счет активизации кольцевания. Проведенная недавно в Казахстане ревизия всех данных кольцевания показала, что с территории Украины сюда поступает меньше сообщений о возврате колец гидрофильных птиц, чем из стран Европы, имеющих выход к Средиземному морю и Атлантическому океану. Это может свидетельствовать о том, что птицы, мигрирующие в широтном направлении из Сибири и Казахстана в Европу, огибают юг Европы по контурам Тетиса, либо связано с недостаточной пропагандой среди населения значения кольцевания.

Несколько удручают занимающие много места карты-схемы, нагруженные порой совсем незначительно: две-три точки, отражающие распределение вида в прошлом и ныне, делают их почти немymi. Возможно, такой подход и не всегда уместен: во-первых, птицы перемещаются столь быстро, что пересекают Украину за несколько суток; во-вторых, количество наблюдателей в начале XX в. и ныне просто несравнимо. Варианты имеют разный вес.

В очерках и оглавлении пропущены ссылки на авторов, установивших роды *Cygnus*, *Aythya*. Встречаются ошибки в списке иностранной литературы.

Восприятию текста препятствует также отсутствие административной карты-схемы в начале книги. Вообще же в такой сводке, рассчитанной на использование в течение многих лет, по-видимому, распространение стоило наложить не столько на административную карту, сколько на карту природных зон, как это сделано, например, в «Атласе гнездящихся птиц Латвии» (1989).

Работа над подобным изданием в одиночку всегда трудна. Может быть поэтому некоторые орнитологические центры мира прибегают к созданию коллективных сводок, ярким примером высокого качества которых служит небезызвестный многотомник «Птицы Западной Палеарктики» (ред. S. Stamp), столь же популярный среди орнитологов, как некогда «Жизнь животных» А. Брэма среди натуралистов.

В целом же значение этой нужной и полезной книги выходит как за пределы отряда гусеобразных, так и за географические пределы Украины. Ее с удовольствием приобретут специалисты разных регионов, поскольку современная орнитология активно теряет черты «домашней» науки, подчиняясь требованиям времени и запросам практики.

В. Придатко